

УДК 81'282

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ С ПАТРОНИМИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКОЙ В КОМОНИИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ¹

Иван Алексеевич Подюков

д. филол. н., профессор кафедры общего языкознания,
русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
614990, Пермь, Сибирская, 24. podjukov@yandex.ru

В статье рассматриваются названия небольших прикамских деревень (комонимы) – прежде всего, с выраженной патронимической семантикой, т. е. содержащие отсылку к имени родителей или предков. Эти названия, в которых отражены в том числе семейные профессии и род деятельности предков, их национальность, родовые прозвища (связанным с архаичными культами), исследуются по ареалам бытования, по особенностям внутренней формы и мотивировки. Цель исследования – выявление причин активности отдельных топонимических моделей с патронимическими формантами, их особенностей, истоков происхождения. В работе рассмотрен ойконимический и антропонимический материал XX – начала XXI вв. При этом особое внимание уделяется названиям, в которых идея предков / родителей основная. Это прежде всего комонимы с формантами *-ят(а)*, *-ич(и)*, *-ёнк(и)*. Делаются выводы об отраженности в комонимах с патронимическими значениями особенностей старообрядческого мировосприятия и отношения к имени.

Ключевые слова: антропонимика; топонимы; словообразовательные модели; культурная семантика.

Проблемы диалектной ономастики остаются актуальными, несмотря на нивелирование диалектных форм языка. В языковом сознании жителей современной деревни еще сохраняются диалектные формы имен, географических названий, специфических по характеру образования. Активное обращение к диалектному ономастическому материалу особенно заметно в этнолингвистических и лингвокогнитивных исследованиях. Диалектный ономастикон рассматривается как «хранитель и транслятор особого, в первую очередь культурно-исторического и локально-этнического знания» [Щербак 2014: 18].

Повышенную диалектную окрашенность имеют названия небольших деревень (многие из них исчезают к началу XXI в., покинуты жителями или включены в состав других населенных пунктов). Негативные последствия современной урбанизации – зарастающие лесом пространства и – соответственно – утрата целых массивов традиционной топонимии. С 1996 г. на территории только Карагайского района Пермского края исчезло более 30 деревень: *Галанино*, *Бичули*, *Селезни*, *Чаньшер*, *Кыши*, *Солодяна*, *Головихино*, *Осетры*, *Бараново*, *Торгушино*, *Мухино*, *Звяга*, *Перино*, *Демино*, *Субботята*, *Афонята*, *Зонята*, *Дюята*, *Калинята*, *Киченята*, *Гавята*, *Викюлята*,

Сидорята, *Тимиата*, *Маслята* и др.). В Сивинском районе за это время не стало деревень *Глазовская*, *Кулизени*, *Зуево*, *Крутята*, *Еремята*, *Прохорята*, *Русята*, *Гаврята*, *Демонята*. С карт уходят «говорящие» названия: на имена предков-основателей указывает комоним *Тимиата* (образован от диалектной формы имени Тимофей *Тимиа*), название *Русята* (Сива), которое свидетельствует о том, что в деревне жили потомки русского пришельца: в сивинский район с XVI в. проникали русские, территория относилась к контактной зоне русских и представителей племен поморской и ломоватовской культур (ср. также образованное от этнонима название *Руссково* в Ильинском районе, название деревни обрусевших манси *Вогюлята* в Соликамском районе, коми-пермяков – *Пермяки*, ныне *Пермяково*, в Осинском). Оскудение топонимического ландшафта к XXI в. – одно из наиболее заметных изменений пермской топонимической системы. Именно в топонимических системах, как известно, находит вербальное отображение геокультурное пространство территории.

В статье рассматриваются названия небольших прикамских деревень (комонимы), представленные в открытых источниках [Населенные пункты Пермского края 2010; Список населенных мест Пермской губернии 1905], прежде все-

го – единицы с выраженной патронимической семантикой, т. е. содержащие отсылку к имени родителей или предков: *Сидорята* – потомки Сидора, *Зоти́чи* – потомки Зотей, *Гаврёнки* – наследники Гаврилы-Гаври. Названия, упоминающие предков, в том числе по их семейным профессиям и роду деятельности, исчезают (*Коновалы́та*, т. е. потомки ветеринара, *Кузнецы́*, *Шерстобиты́*, *Черепаны́*, т. е. горшечники, *Бурлаки* – Усолжье). Это же касается указаний на национальности (деревни *Пермяки́*, *Вотяки́*). Цель исследования – выявление причин активности отдельных топонимических моделей с патронимическими формантами, их особенностей и истоков происхождения.

Способность указывать на предков-родителей сохраняют разные топодемы. Так, названия с формантом *-и*, соответствующим окончанию множественного числа, могут потерять семантику множества и стать формальным показателем топонимичности: д. *Парамоны́*, *Епиши́*, *Макары́*, *Романы́*, *Даньки́*, *Вани́*, *Иваши́*, *Ваньки́* (Ильинский район). Плюрализация как способ создания топонимов здесь используется в «чистом» виде. В основе лежит имя, имя-прозвище, в том числе образованное от фамилии или нехристианского имени: *Батаи́* от тюркского имени Батуй, *Петухи́* от прозвища задиристого человека, *Рябки́*, *Дятля́та* от Дятлы. Птичьи, звериные прозвища, возможно, восходят к родовым. Таковы и названия *Собольки́* (Добрянский район) от прозвища Соболь, *Зайцы́* от прозвища Заяц (Оханский уезд), *Волчата́* (Соликамский уезд) – от прозвища Волк. Родовые имена, передающиеся от поколения к поколению, не только отмечали особые черты человека, но и наделялись сверхъестественными защитными функциями:

Я вот – Воробушек. В Молёвке все с прозвищами живут: Воробушки, Синички;

Мы, например, Зайчата, дед был Заяц, отец Заяц. Я вот даже боюсь калитку на ночь закрывать (д. Морозково Кишертского района).

Вероятно, в прошлом это явление было достаточно масштабным: «В России птицы всегда пользовались большой любовью, и множество фамилий произошло от их названий» [Унбегаун 1995: 148]. Отпрозвищными являются названия деревень *Метляки́* (от диалектного *метляк* ‘бабочка’, мотылек (прозвище суетливого), *Ермаки́* (от диалектной характеристики отчаянного, известно как тюркское имя). Название от прозвища может указывать на национальность, место, откуда вышли предки (*Казанцы́* – Оханский уезд, *Пермяки́*, *Вотяки́*, *Мезенцы́* – Ординский район, *Сибиряки́* – Оханский район), на их род деятель-

ности, привычки (*Курилы́* от *курила́* ‘тот, кто курит’, *Саламаты́* – по вкусовым пристрастиям, саламатом называют мучную кашу с ягодами), на профессиональную деятельность (*Шерстобиты́*, *Черепаны́*, *Бурлаки́* – Усолжье, *Кузнецы́*, починок *Белопахи́*, или *Беляев* на Яйве – от *белая паши́я* ‘свободная от податей земля’). Название д. *Канда́лы* (рядом с д. *Арестантка́*, ныне Чернушинский район), очевидно, связано с названием реки – от заимствованного арабского (через тюркское посредство) обозначения петли [Фасмер 2: 178]; по местной легенде, здесь когда-то жили каторжане. Формант *-и*, представляющий совокупность суффикса и окончания, постепенно теряет притяжательное значение, десемантизируется, становится лишь общим показателем «топонимичности» слова. Он способен опосредованно участвовать в ряде комонимов с семантикой родителя-первопредка.

Не всегда указывают на предков комонимы на *-их(а)*. Словообразовательная модель с этим суффиксом (топоформантом) образует большое количество комонимов (по подсчетам Е.Э. Ивановой, только в бассейне реки Чусовой фиксируется 135 топонимов типа *Максимиха́*, *Авдее́ха*, *Троши́ха* [Иванова 1996]). Автор исследования связывает активность модели с тем, что она распространена в зоне, заселенной старообрядцами (расширение значения «жена по мужу»). Патронимическая семантика, которая очевиднее всего выражается в отчествах и фамилиях, может проявляться в топонимах типа *Романи́ха*, *Шуми́ха* (от прозвища Шум), *Кропачи́ха* (от фамилии Кропачев), *Лари́ха* (от имени Ларя / Илларион), *Тулумба́иха* от тюркского имени Тулумбай (Осинский район). Впрочем, в этих случаях трудно определить основание комонима – это может быть и предок, и первопоселенец, основатель деревни. То же можно сказать о северных названиях деревень типа д. *Анти́тина*, *Бы́чина* (Красновишерский район), *Баянди́на*, *Вили́сова* (Чердынский район) с формальным показателем *-а* (родительный падеж принадлежности; в основе таких комонимов лежит, скорее всего, фамилия основателя, первожителя деревни).

Более конкретны названия с формантами *-ич(и)*, *-онк(и)* / *-ёнк(и)*, *-ат(а)*, *-ят(а)*: *Степи́чи*, *Дорони́чи*, *Никише́нки*, *Гаврё́нки*, *Романя́та*, *Серги́ята*.

Значительный по объему ряд топонимов образован по модели «имя + формант *-(н)ичи* / *-(н)ычи*»: *Троши́чи* – Ильинский район, *Аксени́чи*, *Афрн́ичи*, *Иомичи́*, *Николи́чи*, *Лари́чи*, *Паши́ковичи*, *Зини́чи* (от старой формы Зина – Зиновий), *Юди́чи* (от Юда / Иуда), *Степи́чи*, *Дорони́чи*, *Потани́чи* (от Потаня – Потапий, Потап) – Кунгурский уезд).

Суффикс, оформляющий отчество, используется для обозначения лиц по отношению к своему отцу. Топонимы с ним и с основой – именем основателя рода, владельца или первоначального поселенца в Прикамье широко распространены – *Абрамичи, Бигичи, Веденичи, Ганичи, Ерёмичи, Зотичи, Калининчи* (от Калина), *Николичи, Омеличи* (от Емельян), *Поличи, Савичи, Фомичи, Харичи* (от Харитон). Отдельные названия такого рода сохранились до наших дней и используются в том числе и для именования крупных селений. Рассмотрим, например, название микрорайона г. Перми *Ераничи*. Это бывшее место поселения Герасима Верхоланцева. Распространенная версия о связи названия с этнонимом *еране* – названием вымышленного племени (или русским названием ненцев [Бординских 2021: электр. ресурс]) – сомнительна: в названии кроме суффикса *-и(ч)и*, указывающего на отцовство, используется народная уменьшительная форма имени на *-ань* (как в именах *Мишаня, Васяня*).

Активность этой модели выражается через ее распространение на другие названия. Неофициальная форма названия карагайского села Юрич – *Юричи* (нередко с огласовкой, коми-пермяцкой аффрикатой *дж* – *Юриджи*) связана, скорее всего, с именем Юра / Юрий (в известном с 1647 г. как деревня селе Юрицком была построена Георгиевская церковь). Поскольку территория округа долго заселялась коми-пермяками, возможно, название связано и с коми *юр* ‘верхняя часть, верховье реки’ (метафора от коми *юр* ‘голова’). Последний компонент – связанный корень *-ыдж-* общепермского происхождения со значением ‘большой’ – употреблялся самостоятельно, без суффикса [Лыткин, Гуляев 1970: 329], и, как и слово *ыджит*, означает ‘что-л. большого размера’. В районе села река Юрич действительно протекает по широким лугам. Действием патронимической модели можно объяснить также появление ойконима *Янычи* (станция, поселок в Пермском районе). Первоначально селение было названо по потомкам татарина Яныша, жившего на реке Бабка. Согласно переписи населения 1623–1624 гг., деревня сначала называлась *Янышева*; имя Яныш образовано от татарского Джан (душа) + *иш* (друг), т. е. «сердечный друг».

Прямое указание на родителей выражает модель с использованием форманта *-онк(и) / -ёнк(и)*, значение «невзрослость» в нем выражается с уменьшительно-уничижительным смыслом, что указывает на образование комонимов из коллективных прозвищ: *Захарёнки, Никишёнки* (от Никиша – Никита; Верещагинский район), *Петрушёнки* (с. Сива), *Гаврёнки, Митёнки, Орёнки* (от Оря / Орина). Широко представлена эта модель в северных районах Удмуртии (*Ванёнки, Васютенки,*

Полишонки – Базезинский район республики Удмуртия; кроме форм *Полюша, Поляша, Полюся* в народной речи встречается *Полиша*), *Савенки* (Воткинский район), *Васютенки* (Базезинский район). Модель также отмечена в топонимии Вятки (д. *Артемёнки, Ванёнки, Кирёнки, Киришонки, Митёнки, Петрунёнки; Самчонки, Симачонки, Степанёнки, Танёнки*). Формант может также присоединяться к основе прозвища: *Кагушонки* (от *кага* ‘маленький’). Развитие модели (суффикс начинает присоединяться к основе не только личного имени или прозвища, но и к основе топонима) показывает история названия пос. *Рассолёнки* (Лысьвенский район). Недалеко от поселка расположен хребет, разделяющий бассейны рек Сылвы и Чусовой, где берет начало речка Засольная. Через эту старообрядческую деревню проходила «Соляная дорога», по которой шли за солью из Сибири на запад, к Кунгуру [Латышев 2018: электр. ресурс].

Топонимов патронимического типа с отмеченными формантами немало на тех территориях России, откуда русские приходили на Урал. Названия с *-и* типа *Дубенки, Глушенки, Гуленки, Копытенки, Лисенки, Сыченки* фиксируются в Нижегородской области. Возможно, эта модель была привнесена старообрядцами, пришедшими с Ветлуги и Керженца (притоков Волги, Нижегородская губерния).

Самая частотная модель для создания комонимов с указанием на отца / деда представлена в топонимах с суффиксом *-ат(а) / -ят(а)*: *Пузята* (станция в Верещагинском округе), поселок и станция *Оверята* (от Аверьян – Оверя; название упоминает Еверьяна как Оверина, деревня была основана Аверкой Чешихиным в 1719 г. [Тарасова 1962]). Этот суффикс имеет общеславянское происхождение, первоначальное его значение – указание на молодое существо (во множественном числе). Названия деревень *Афонята, Викулята, Еремьята, Ильята, Калинята, Прохорята, Сидорята, Тимшата* (ср. Тимоша), *Маслята* (скорее всего, из прозвища), *Субботята* (редкое имя Суббота связано с представлением о святости этого дня недели) отражают процессы отселения взрослых детей от родителей на новые земли. К середине XIX в. набирает силу распад патриархальной семьи, сложные (двупоколенные) семьи уступают место нуклеарным. Суффиксами *-ата / -ята* в диалектах издавна оформлялись прозвища, которые даются потомкам по имени их отца. Такие образования очень часто встречаются в диалектной ономастике различных районов Урала. По своему значению в топонимике суффикс *-ат(а) / -ят(а)* совпадает с патронимическим суффиксом *-ыч(и) / -ич(и)* и указывает на потомков лица, имя которого лежит в основе названия. Иногда в таких комонимах фиксируются и матронимические отсылки: *Маланичи*

от Мелания – *Маланья*, *Веденичи* – редкое нехристианское женское, очевидно, прозвищное имя, от *ведающая* – знахарка. Ссылки на имя женщины-прародительницы содержатся в комониме *Ульята* от Ульяна – Уля, в названии *Танёнки* (Удмуртия). Предположительно, в число таких комонимов входит и название *Канюсята* (из диминутивной формы от Каня *Канюся* – по типу Нина – *Нинюся* либо из мужского имени Никанор – *Каня*), *Ценята* (исключительно редкое женское и мужское имя *Ценя*, давшее фамилию *Ценёв*). Единицы, изначально бывшие коллективными прозвищами, с течением времени в результате переноса значения (имя определенной группы лиц распространяется на название селения) становятся топонимами. Такие названия населенных пунктов, засвидетельствованные на территории Пермского края, образованы, главным образом, от полных и кратких христианских имен: *Андронята*, *Антонята*, *Романята*, *Саввинята*, *Сергията*, *Баталята* (от фамилии тюркского происхождения Баталов), от прозвищ, созданных для оценки характера, места жительства родителя: *Бабушнята*, *Бадожята*, *Барышата*, *Бахарята* (от *бахарь* ‘говорун, пустомеля’), *Бельчата*, *Бобрята*, *Зуята* (от переносного *зуй* ‘шалун’).

По своему топонимическому значению суффикс *-ат(а)/-ят(а)* указывает на потомков лица, имя которого лежит в основе названия. В Пермском крае модели комонимов с указанием на предков особенно частотны в зонах активного расселения старообрядцев – Сивинский, Карагайский, Ильинский, Нытвенский, Верещагинский, Очерский районы. Только в Ильинском районе Пермского края выявлено более 29 топонимов с формантом *-ат(а)/-ят(а)*: *Егоршата*, *Полунята* (от греческого имени Полувий, Поливий), *Трисанята* (от имени Трисан из Тристан, легендарный рыцарь из романов о короле Артуре). В Верещагинском районе бытовало 12 названий: д. *Алешата*, *Андронята*, *Москвята* (последнее название от прозвища-топонима: д. Мосино и ее жителей в шутку называли Москва в силу ее отдаленности и по созвучию). В Очерском районе отмечено 9 комонимов на *-ят(а)*: *Комарята*, *Осипята*, *Осташата*, *Феклистята*, *Фофонята* (последнее от просторечной формы церковного имени Феофон). Встречаются подобные названия в Нытвенском районе, имеется 14 названий: *Андрята*, *Голубята*, *Городничата*, *Егоршата*, *Климята* и др.). Модель особенно активна в Сивинском районе, там зафиксировано 36 названий: *Алешата*, *Бровилята*, *Габята* (от фамилии Габов), *Гаврята* (от Гаврила), *Епишата*, *Корольята* (от фамилии Королев), *Полюдята* (от имени Полюд из нарицательной оценки общительного человека). В Добрянском районе зафиксировано 8 названий типа *Осташата*, *Баташата*, *Феклята*.

Названиями на *-ат(а)* в прошлом был особенно богат Кунгурский уезд, в котором имелось более 60 комонимов этого типа: *Макарята*, *Инатята*, *Воронята*, *Зайчата*, *Марчата* (от Марко), *Падерята* (от прозвища Падера от диалектного *падера* ‘буран’, переносно ‘о ненужном хламе’, ср. отпрозвищная фамилия Падерин). В XVIII в. значительное число сторонников «старой веры» проживали не только в лесах, но и на уральских горных заводах. Старообрядцы приходили на Урал в основном из Поморья, северных областей России, с р. Керженец. Любопытно, что на р. Язьве (притоке Вишеры), в затерянных среди лесов местах было много староверческих деревень, там также фиксируется большое количество (20) топонимов на *-ят(а)*: *Усынята* (от имени Усыня, т. е. сын, мальчик), *Левчата*, *Аристята* (последнее название известно также на р. Обва, на Вятке, на Вохме в Костромской области)). Встречаются такие топонимы (в небольшом количестве) и в Свердловской области, на востоке Кировской области: *Праздничата*, *Гришунята*, *Костерята*, *Симонята*, *Алешата*, *Афонята*, *Володята*, *Гришата*, *Доронята*, *Мишата* и пр. (см. об активности отпатронимических топонимов на *-онк(и)*, *-ят(а)*, *-ич(и)* в [Головина 1970]), в северо-восточных районах Удмуртской Республики (на пограничье с Сивинским, Верещагинским районами Пермского края).

Исследованную модель следует считать региональной особенностью топонимии Пермского края. Она частично отмечена и в Нижегородской области (*Березята*, *Праздничата*, *Бердничата* на Ветлуге; д. Бердничата была приобретена промышленником И.И. Бердниковым у князей Мещерских). Отметим также д. *Головята* (в честь головы – должностного выборного лица), *Колдырята* (скорее всего, от фамилии либо прозвища, ср. диалектное и позднее жаргонное *колдырять* ‘жадно пить’ явно звукоизобразительного характера, имитирующее звуки глотания). Название деревни *Коменята*, очевидно, указывает на топоним *Комкино* – вблизи ее и располагались *Коменята* (она была названа либо по фамилии первопоселенца Комкин, либо из-за обилия около нее небольших камней). Образования на *-ят(а)* известны и на Новгородчине: *Мстята* от Мстислав, *Гостята* от Гостислав, *Скорята* от фамилии Скорятин [Чайкина 1993].

На наш взгляд, в таких ойконимах наглядно отразилась история и особенности расселения тех русских, которые пришли в Прикамье как носители старообрядческой традиции. Старообрядцы глубоко верили в неповторимость, индивидуальность человеческой личности, осознавали личную ответственность перед самим собой и перед Богом за деяния и веру. Как отмечает Г.Н. Чагин, они жили

в молитвенном уединении и самоуглублении, «старались селиться в стороне от людных путей и густонаселенных мест» [Чагин 1991: 20.]

Обилие частных моделей с патронимической семантикой – одно из проявлений системности топонимии. Исследованные наименования универсальны, своей внутренней формой (богатой, часто затемненной) они порождают объемное интерпретационное поле. Наделяя осваиваемые места именами предков, старообрядцы воспроизводили традиционное восприятие пространства в антропологических, отражающих взаимодействие людей характеристиках окружающей природной среды. Помимо указания на единичность, названия-патронимы выполняют адресную и мемориальную функции. В культурной семантике таких комонимов отражается архаичная идея имени первопредка как оберега, покровителя.

¹Примечание

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00314 «Ономастический портрет современного промышленного региона».

Список источников

Населенные пункты Пермского края // Энциклопедия «Рувикс». 2010. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Населённые_пункты_Пермского_края (дата обращения: 23.10.25).

Список населенных мест Пермской губернии / Пермское губернское земство. Пермь, 1905. 1526 с.

Список литературы

Бординских Г. Исчезнувший народ ераны. 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/YWVKy4_XxDDtJZn6?ysclid=mjlnhp0f2i119738047 (дата обращения: 21.10.25).

Головина Э.Д. Семантические и структурные сдвиги в названиях населенных пунктов бывшей Вятской губернии (по письменным источникам XVII–XX вв.) // Вопросы топонимистики / отв. ред. А.К. Матвеев; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Свердловск, 1970. Вып. 4. С. 3–14. (Ученые записки Уральского государственного университета. Сер. Филологическая. 1970. № 90, вып. 13. С. 3–14).

Иванова Е.Э. Старообрядческая топонимия в бассейне реки Чусовой // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. / отв. ред. М.Э. Рут; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. Вып. 1. С. 44–51.

Латышев М. Рассольная – Сухая. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2018/03/03/1377?ysclid=mh36iftzuq445477636> (дата обращения: 20.10.25).

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.

Тарасова Н.И. Названия населенных пунктов Пермской области на *ата*, *ята* // Вопросы ономастики. 1962. Вып. 1. С. 47–49.

Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1995. 443 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2007. Т. 2. 671 с.

Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века. Пермь: Изд-во Том. ун-та. Перм. отд-ние, 1991. 112 с.

Чайкина Ю.И. Словарь географических названий Вологодской области: насел. пункты. Вологда: Изд-во Вологод. ин-та повышения квалификации и переподготовки пед. кадров, 1993. 474 с.

Щербак А.С. Диалектная ономастика в традиционном и когнитивном аспектах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4(41). С.18–22.

WORD-FORMATION MODELS WITH PATRONYMIC SEMANTICS IN THE COMONYMY OF PERM KRAI

Ivan A. Podjukov

**Professor, Department of General Linguistics,
Russian and Komi-Permyak Languages and Language Teaching Methods
Perm State Humanitarian Pedagogical University**

This article analyses the names of small villages (comonyms) in the Kama region, primarily those with conspicuous patronymic semantics, i.e., containing a reference to the name of parents or ancestors. These names, including their family professions and occupation, nationality, and family nicknames (associated with archaic cults), are examined by their areas of use, internal form, and motivation. The purpose of the description is to identify the reasons for the activity of particular toponymic patterns with patronymic formants, their characteristics, and their origins. Conclusions are drawn about how common names with patronymic meanings reflect the characteristics of the Old Believer worldview and attitude toward names.

Key words: anthroponymy; toponyms; formation patterns; cultural semantics.